

В.Л. Степанов

*д.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)*

М.Н. КАТКОВ О ПРОБЛЕМАХ ТАМОЖЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ: ФРИТРЕДЕРСТВО ИЛИ ПРОТЕКЦИОНИЗМ? (1860–1880-е гг.)

Аннотация. В статье анализируются взгляды по проблемам таможенной политики крупнейшего идеолога российского консерватизма, знаменитого публициста М.Н. Каткова (1818–1887) – редактора-издателя журнала «Русский вестник» (1856–1887 гг.) и газеты «Московские ведомости» (1863–1887 гг.). В первые пореформенные десятилетия он придерживался фритредерской доктрины и эволюционировал к протекционизму только к концу 1870-х гг. под влиянием мирового экономического кризиса, который привел к падению прежней популярности идей свободной торговли. В царствование Александра III, пользуясь своим возросшим влиянием в верхах, Катков выступал за коренной пересмотр устаревшего тарифа 1868 г. с целью максимального ограничения импорта. Он проповедовал свои взгляды под патриотическими лозунгами в духе теории «народного самодержавия», выступал за усиление государственного вмешательства в хозяйственную жизнь и создание «национальной» экономики, отгороженной от Запада высокими таможенными барьерами. Публицист рассматривал протекционистскую политику как мощный фактор подъема производительных сил, как своеобразную форму планирования. Катков считал запретительный тариф универсальным орудием, с помощью которого можно было решить целый ряд задач: защитить промышленность от иностранной конкуренции, повысить государственные доходы, активизировать торговый и расчетный балансы и даже более равномерно распределять налоговое бремя между «высшими» и «низшими» слоями населения. Его требования шли в общем русле усиления этатистских тенденций в экономической политике правительства. Агитация Каткова сыграла определенную роль в подготовке и утверждении протекционистского тарифа 1891 г.

Ключевые слова: *таможенная политика, фритредерство, протекционизм, экспорт, импорт, тариф, пошлины, торговый баланс.*

JEL: B15, B31, N43.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10306

Михаил Никифорович Катков (1818–1887) был крупнейшим идеологом консерватизма своего времени, редактором-издателем журнала «Русский вестник» (1856–1887 гг.) и газеты «Московские ведомости» (1863–1887 гг.). Знаменитый публицист оставил глубокий след в истории общественной мысли – несколько десятилетий его голос раздавался на всю Россию. К его мнению прислушивались и в великосветских салонах, и в кругах высшей бюрократии, и при императорском дворе. Особое влияние московский «оракул» приобрел в царствование Александра III. Редакцию его газеты на Страстном бульваре называли «департаментом» Каткова: здесь обсуждались государственные дела, разрабатывались проекты будущих «контрреформ», планировались важнейшие должностные назначения. «Катков как публицист достиг максимума возможного при абсолютизме воздействия публицистики на государственную власть», – утверждал П.Б. Струве [*Струве,*

2007. С. 230, 231]. В передовицах «Московских ведомостей» редактор излагал свои соображения по самым различным направлениям внутренней и внешней политики. Большое внимание он уделял вопросам развития народного хозяйства и среди консервативных мыслителей больше всех писал по этой тематике [Твардовская, 1978. С. 74]. Катков считал тяжелую промышленность «основой государственной жизни» и особое значение придавал таможенному законодательству, которое рассматривал как один из наиболее эффективных инструментов индустриализации [МВ, 1867. № 279]. «Тариф есть для экономической жизни условие первостепенной важности, – считал он. – От него зависят процветание и упадок, жизнь и смерть разных отраслей экономической деятельности» [МВ, 1880. № 46]. Катков много лет занимался проблемами таможенной защиты, однако это направление его публицистики в научной литературе освещалась лишь очень кратко и фрагментарно [Соболев, 2012. С. 367–375; Струве, 2007. С. 230–234; Твардовская, 1978. С. 81–87; Санькова, 2014. С. 96, 97]. Между тем он оказал известное влияние на выработку правительственного курса в этой области экономической политики.

За Катковым закрепилась репутация поборника протекционизма, однако его взгляды на характер оптимального для условий России таможенного обложения претерпели значительную эволюцию. В конце 1850-х – 1860-е гг. он еще восхищался либеральным тарифом Великобритании, выступал за свободу торговли и позитивно оценивал отход правительства от прежней запретительной системы к умеренно-охранительной в рамках законов 1850 и 1857 гг. В «Русском вестнике» публиковались известные фритредеры – экономисты Н.Х. Бунге, Ю.А. Гагемейстер, И.В. Вернадский, предприниматель В.А. Кокорев и др. [Китаев, 1972. С. 59, 60]. Катков принял активное участие в дискуссиях, которые развернулись в период разработки и обсуждения нового тарифа, утвержденного 5 июля 1868 г. Фритредеры пропагандировали свои воззрения в крупнейших периодических изданиях – «Голосе», «Современнике», «Отечественных записках», «Экономическом указателе», «Русском вестнике», «Московских ведомостях». Они доказывали, что понижение пошлин способствует удешевлению импорта и росту сбыта на внутреннем рынке, стимулируя тем самым развитие отечественного производства, поэтому следует продолжать курс на дальнейшее смягчение таможенной защиты. Им противостояли протекционисты, в основном из числа предпринимателей, возражавшие своим оппонентам на страницах «Вестника промышленности», «Торгового сборника», «Вестей», «Санкт-Петербургских ведомостей». По их мнению, значительно отстающая от Запада российская промышленность должна быть ограждена от иностранной конкуренции надежной таможенной чертой до тех пор, пока она не достигнет более высокого уровня.

Обе стороны, выдвигая свои аргументы, заявляли, что отстаивают национальные интересы. Правда, противоречия между этими группировками не носили сколько-нибудь радикального характера. При всей верности своим идеалам в теории, фритредеры должны были считаться с реалиями России: очевидной неконкурентоспособностью по сравнению с передовыми западными странами, низким уровнем доходов основной массы населения, узостью внутреннего рынка, слабостью торговых оборотов, неудовлетворительными путями сообщения. Им приходилось мириться с перспективой длительного существования охранительной системы, либерализация которой могла проводиться очень постепенно. Фактически в европейском понимании российские фритредеры представляли собой умеренных протекционистов. Они были далеки от постулата английской классической школы о невмешательстве государства в экономическую жизнь, напротив, по их мнению, именно правительственной власти надлежало путем гибкой таможенной политики создавать «живительную» конкуренцию между производителями [Лодыженский, 1886. С. 257, 258; Соболев, 2012. Ч. 1. С. 353–395].

Применительно к России Катков также не был сторонником свободы торговли в британском духе и выступал за постепенность и осторожность при переходе к охранительному

тарифу, который, как он считал, вполне соотносится с рекомендациями современной экономической науки и не препятствует как защите отечественной промышленности, так и привлечению в страну нужных товаров. Публицист призывал к цели «идти тихо, избегая потрясений», чтобы не повредить внутреннему производству. В своей критике протекционизма Катков утверждал, что промышленность нуждается не в ограждении ее тарифом, искусственно поднимающим цены на отечественные товары и устраняющим их от конкуренции, а в развитии собственной индустрии. Он настаивал на сдерживании эгоистических требований предпринимательских кругов, для которых «вздорожание иностранных товаров и препятствие на пути их в Россию есть главный интерес, хотя бы от этого и страдали все встречающиеся на этом пути русские интересы». Чем мощнее покровительственная система, полагал Катков, тем сильнее она противоречит «общим государственным пользам», тем более дорожает жизнь и слабеет промышленная деятельность. Особый вред доставляют высокие пошлины на импорт металлов, металлических изделий и машин, которые пагубно влияют на развитие фабрично-заводского производства, транспорта и сельского хозяйства. Публицист напоминал, что именно «меньшая братия» (крестьяне, мещане и другие потребители) в наибольшей степени страдает от дороговизны иностранных товаров. Далекий от каких-либо демократических устремлений, он тем не менее требовал «демократизации» таможенной защиты, указывая, что «тариф – это та область, где демократизация не только не сопряжена с каким-либо риском, но обеспечивает от опасностей, могущих сопровождать соответственное направление в области политической». По его словам, понижение пошлин удешевляет стоимость жизни, повышает возможности налогоплательщиков и тем самым усиливает источники доходов казны, расширяя финансовые возможности государства [МВ, 1865. № 139; 1867. № 9, 248, 279; 1868. № 31, 34, 65].

Тариф 1868 г. носил общий охранительный характер: большинство статей были понижены, некоторые остались без изменения, а значительная часть даже повышена. Таможенные льготы коснулись главным образом сырья и изделий, необходимых для развития отечественной промышленности [Соболев, 2012. Ч. 1. С. 226–324]. Катков в целом положительно отнесся к этому закону, однако назвал его «робкой полумерой» и посетовал, что понижение пошлин состоялось далеко не по всем статьям и «в таких скромных размерах», которые не могут вызвать значительный рост потребления товаров [МВ, 1869. № 225; 1870. № 53; 1871. № 62; 1872. № 74]. После утверждения тарифа дискуссия между фритредерами и протекционистами временно затихла, но по ряду причин вновь возобновилась в середине 1870-х гг. Смягчение таможенного обложения привело к ухудшению торгового баланса России, который с 1872 г. стал сводиться с пассивным сальдо. Биржевой крах 1873 г. и начавшийся мировой экономический кризис привели к падению на Западе прежней популярности фритредерской доктрины. Востребованность идей протекционизма стала все более возрастать как среди широкой общественности, так и в правящих кругах европейских стран. «Старое учение о необходимости покровительствовать отечественной промышленности посредством высоких ввозных пошлин разрабатывается и проповедуется теперь на все лады в ученых трактатах, газетных и журнальных статьях, а также путем публичного обсуждения на экономических съездах и митингах разного рода, – писали “Московские ведомости”. – Вотируются прошения правительствам и в парламенты, и готовятся запросы и предложения протекционного свойства для внесения в законодательные собрания» [МВ, 1875. № 252]. В Германии под воздействием кризиса могущественные промышленные круги стали требовать от правительства О. фон Бисмарка усиления таможенной защиты. К ним присоединились аграрии, которым огромный наплыв дешевого зерна из САСШ, Индии и России грозил разорением. В 1879 г. Бисмарк резко повернул от многолетней фритредерской политики к протекционизму, установив, в частности, высокие ввозные пошлины на сельскохозяйственные товары, в том числе и на русский хлеб. Вслед за Германией на этот путь встали также Франция, Италия, Австро-Венгрия и другие страны [Оболенская, 1992. С. 4, 5, 114–146, 151–153].

Россия также в 1874–1877 гг. переживала кризис, осложненный неурожаем 1875 г. и войной с Турцией, которая потребовала огромных расходов и вызвала расстройство государственных финансов. С 1 января 1877 г. в связи с острыми фискальными нуждами таможенные пошлины стали приниматься в золотой валюте, что по тогдашнему курсу кредитного рубля означало их повышение почти на 50%. Тем самым правительство фактически начало переход к протекционистскому курсу. Следующим шагом стало восстановление 22 декабря 1878 г. пошлины на хлопок, отмененной в 1863 г. [Соболев, 2012. Ч. 2. С. 7–18]. Под влиянием этих событий Катков начал отходить от фритредерских убеждений. Он еще возмущался высоким уровнем таможенного обложения, однако стал более дифференцировано относиться к вопросам внешнеторговой политики. Так, например, в 1874 г. публицист высказался за повышение пошлин на импорт хлопка и нефти, чтобы поддержать соответствующие российские отрасли, а в январе 1877 г. выступил против практики разрешений беспошлинного ввоза отдельных категорий и партий товаров вопреки действующему тарифу, которая наносила значительный ущерб казне [МВ, 1874. № 68, 99; 1877. № 27].

В конце 1870-х гг. Катков полностью перешел на позиции протекционизма и объявил фритредеров «космополитами-доктринерами», развернув с ними борьбу на страницах своих изданий. Забыв о прежних обвинениях в адрес «эгоистичных капиталистов», он встал на сторону торгово-промышленных кругов и в первую очередь – московской буржуазии. В ответ на упреки либеральной прессы в резком изменении взглядов публицист призывал проявлять гибкость и избавляться от догматизма в вопросах таможенной политики. «Не пора ли бросить игру в доктрины и партии? – спрашивал он. – И протекционизм, и фритредерство, даже сданный в архив меркантилизм, могут быть при одних обстоятельствах пригодны, а при других непригодны. Все хорошо на своем месте и в свое время. Исключительно следовать какому-нибудь экономическому учению, значило бы уподобляться медику, который захотел бы все болезни и всякого больного лечить одним лекарством» [МВ, 1884. № 40]. С Катковым солидаризовались консервативные авторы «Русского вестника» Н.Х. Вессель, Н.Я. Данилевский, Н.А. Новосельский, а также другие публицисты, активно выступавшие за введение запретительного тарифа. Им противостояла либеральная пресса – журнал «Вестник Европы», газеты «Новости» и «Русские ведомости», которые доказывали, что протекционизм вредит сельскому хозяйству, отвлекая капиталы из земледелия в искусственно поощряемую промышленность, сковывает частную инициативу, консервирует устаревшие формы производства, устанавливает монополию отдельных групп предпринимателей, взвинчивает цены на внутреннем рынке, наносит ущерб населению, сужает круг потребителей и т.п. [Соболев, 2012. Т. 2. С. 364–383].

В ходе острой дискуссии «Московские ведомости» развернули критику либеральной таможенной политики 1850–1860-х гг. Катков осудил демонтаж протекционистской системы министра финансов Е.Ф. Канкрин, о временах которого «русский промышленный мир донныне сохранил благодарное воспоминание». По его словам, после принятия законов 1850 и 1857 гг. «в угоду чужим доктринам» произошел переход от «покровительства народному труду к космополитическому фритредерству», и в стране утвердился «со всех сторон обрезанный и искалеченный тариф», а с утверждением акта 1868 г. «здание прежнего тарифа превратилось в развалины». В итоге «русское производство должно было соперничать с чужеземным, как само знает», т.е. без всякой поддержки государства, поэтому «сфера выгодного приложения народного труда постоянно сжималась, как бы в железных тисках» и «одна за другой падали разные отрасли русского народного хозяйства» [МВ, 1880. № 290; 1883. № 174; 1884. № 40; 1885. № 30; 1887. № 119].

Причину этой кризисной ситуации Катков видел в повальной увлеченности русского общества британским примером: «Англия, провозгласившая господство принципов свободной торговли, предложила и другим государствам последовать ее примеру и принять теорию фритредерства в основание экономической политики. При общей ломке

господствовавших у нас учреждений и при замене всего старого новым, мы с увлечением ухватились за предложенное нам чуждое нашей жизни учение и сделали ревностными его последователями, не разбирая, что то, что выгодно для Англии, может быть весьма невыгодно для России». Как писал Катков, высокий уровень экономического развития «мастерской мира» стал «приманкой» для соотечественников, забывших о том, что он был достигнут благодаря запретительным таможенным пошлинам. Британское правительство отменило их только после того, как страна завоевала исключительное положение на мировом рынке. Между тем Россия находится в совершенно другом положении – значительно отстает от западных держав и лишь стоит на пороге индустриального подъема, поэтому для нее неприемлем либеральный тариф [МВ, 1884. № 40, 213].

Московский «оракул» проповедовал свои взгляды под национально-патриотическими лозунгами в духе теории «народного самодержавия», утвердившейся в царствование Александра III. Он писал в одной из своих передовиц: «Последняя война открыла нам глаза и показала путь, которым должна следовать наша экономическая политика: укрепленный войной принцип национальности положен был и в основу государственного хозяйства» [МВ, 1886. № 177]. Эти представления сложились у Каткова под влиянием немецкой исторической школы и прежде всего – ее основоположника Ф. Листа, впервые обосновавшего различие между космополитической (мировой) и национальной экономиями. Странники английской классической школы считали главным субъектом хозяйства абстрактного «экономического человека», выдвигали принцип «методологического индивидуализма», делали ставку на универсальный саморегулирующийся рыночный механизм, на максимальную либерализацию хозяйственной деятельности. В отличие от них, приверженцы исторического метода мыслили в духе консервативной традиции: они ставили перед собой задачу изучения особенностей отдельных стран, отстаивали необходимость защиты национальных экономических интересов, допускали возможность государственного регулирования. Катков принадлежал к православно-самодержавному крылу почвеннического направления в экономической мысли России, которое выступало за проведение не либерально-рыночных, а национально-ориентированных реформ [Рязанов, 2009. С. 243, 248, 249]. Он был поклонником исторической школы, идеи которой пропагандировались на страницах «Русского вестника» еще во второй половине 1850-х гг., например, в статьях И.К. Бабста и Н.Х. Бунге [Китаев, 1972. С. 56–59].

Редактор «Московских ведомостей» и его единомышленники выступали за создание «национальной» экономики, отгороженной от Запада высокими таможенными барьерами. «Россия для русских» – вот девиз успеха и для кустарной, и для всей вообще русской промышленности», – заявлял Катков. По его мнению, «русская почва предоставляет все необходимое для приложения промышленных сил», а «русский труд способен обработать то, что дает почва» [МВ, 1882. № 141; 1883. № 70]. Автаркической обособленности страны должно было способствовать также сохранение в обращении неразменного бумажного рубля как национальной валюты. Консерваторы требовали усиления государственного вмешательства в экономическую жизнь – ужесточения контроля над частным предпринимательством, устройства казенного ипотечного кредита, введения табачной и винной монополий, выкупа частных железных дорог в собственность государства и др. [Шепелев, 1981. С. 143; *Власть и реформы*, 1996. С. 381]. Катков рассматривал протекционистскую политику как мощный фактор подъема производительных сил, как орудие регулирования правительством развития народного хозяйства, как своеобразную форму планирования [Твардовская, 1978. С. 86].

Публицист предлагал взять за образец таможенную политику Северо-Американских Соединенных Штатов, которые по своим экономическим условиям наиболее сходны с Россией, и где идет процесс становления отечественной промышленности. После разрушительной Гражданской войны 1861–1865 гг. стоящая у власти республиканская партия

отказалась следовать господствующим доктринам фритредерства, избрала «национальный путь», ввела высокие таможенные пошлины и к середине 1870-х гг. обеспечила САСШ активный торговый баланс. Катков считал заокеанскую республику «главным очагом», «важнейшей опорой протекционизма», а покровительственный тариф – основным источником ее богатства. «Почему бы и нам не последовать примеру Америки и не стать сознательно на такую же дорогу?» – писал он в одной из своих передовиц. Публицист призывал отбросить колебания, которые дорого обходятся России, и использовать ценный опыт САСШ для развития внутреннего производства, наращивания экспорта и сбалансирования торгового баланса [МВ, 1879. № 258; 1883. № 54; 1884. № 135, 313, 315].

Другим достойным примером для подражания Катков считал протекционистский курс правительства Германской империи. Он высоко оценил выдвинутую в середине декабря 1878 г. экономическую программу Бисмарка, который, по его словам, «обнаружил удивительную чуткость и понимание потребностей эпохи», сумел «разорвать с захватившей себе власть космополитической и антинациональной доктриной и оттолкнуть от себя ее сторонников». При этом публицист задавался вопросом: «Но во сколько раз сильнее, существеннее и настоятельнее живые, насущные интересы, требующие покончить с этой доктриной у нас, в России, и не позволять ей производить над Русским народом, как бы *in anima vili* (над подопытными животными – *лат.*), свои эксперименты?» [МВ, 1878. № 327; 1879. № 10]. Однако, восторгаясь прозорливостью и политическим гением «железного канцлера», Катков справедливо расценил германскую тарифную реформу как стремление оказать давление на Россию и начать против нее экономическую войну. Поэтому он настаивал на ответных шагах – введении высоких пошлин на импорт из соседней империи. «Принимая меры к сокращению привоза в Германию русских товаров, – писали о Бисмарке “Московские ведомости”, – он тем самым развязывает Русскому правительству руки на принятие мер к сокращению привоза в Россию товаров из Германии» [МВ, 1879. № 106].

Катков указывал на очевидное противоречие между неисчерпаемыми ресурсами отечества и реальными результатами его экономического развития: «Нет страны богаче России по естественным условиям, но богатства наши остаются для нее бесплодны, только привлекая к себе алчность иностранной спекуляции, умеющей закрепить за собой и русские богатства, и русский труд». Корень зла он видел в ошибочной таможенной политике и устаревшем тарифе 1868 г., который не соответствует состоянию народного хозяйства и не защищает его от западной экономической экспансии. Действующее законодательство обременяет высокими сборами отсутствующие в России дефицитные продукты (чай, кофе, оливковое масло и др.) и в то же время поощряет низкими пошлинами ввоз именно тех товаров, которые могли бы вполне успешно изготавливаться внутри страны. По словам Каткова, «поощрением иностранной конкуренции мы полагаем преграды возникновению и развитию в России множества выгодных отраслей производства, для которых имеются благоприятные условия». Завышенная плата местных потребителей за импорт обогащает западных предпринимателей, парализует развитие отечественной промышленности, лишает казну значительных поступлений, отрицательно сказывается на курсе рубля.

«Московские ведомости» опровергали мнение о том, что от повышения пошлин получают выгоду только владельцы фабрик и заводов. Как считал Катков, введение запретительного тарифа оградит отечественную промышленность от конкуренции западных стран, оживит целые отрасли, расширит «сферу народного труда», даст обильные заработки населению и повысит его покупательную способность, обеспечит накопление капиталов и сформирует рынок сбыта, без которого невозможно развитие и удешевление производства. Особое значение он придавал повышению пошлин на ввоз наиболее востребованных товаров (металлов, металлических изделий и машин) с целью создания благоприятных условий для роста тяжелой индустрии. Публицист подчеркивал, что преобладание экспорта над импортом изменит торговый баланс в пользу России, сократит отлив

золота за границу и тем самым активизирует расчетный баланс, а это, в свою очередь, будет способствовать повышению курса рубля и российских ценных бумаг. Он указывал также и на существенное фискальное значение протекционистского тарифа, который позволит значительно увеличить таможенные сборы и предоставит правительству возможность ослабить податное бремя «низших» сословий. Кроме того, для достижения «социального равенства» Катков предлагал повысить пошлины на предметы роскоши, доступные лишь состоятельным категориям населения, и тем самым установить своего рода «налог на богатых». Наряду с этим он предостерегал от необдуманных попыток увеличить поступления таможенных сборов, пренебрегая насущными внешнеторговыми интересами России. «Как бы ни была велика надобность в усилении средств казны, нельзя бросаться на первый встречный источник дохода, когда можно выбирать между источниками», – писал публицист. «Московские ведомости» резко отрицательно отреагировали на слухи о намерении Министерства финансов установить вывозную пошлину на хлеб – главную статью экспорта, поскольку это могло привести к повышению цен на российское зерно и затруднить конкуренцию с американскими сельскохозяйственными товарами. Вместе с тем Катков считал желательным, причем отнюдь не из фискальных соображений, ввести пошлины на вывоз за границу нефти, чтобы стимулировать ее переработку внутри страны, а также древесины с целью предотвратить дальнейшее «лесоистребление» [МВ, 1879. № 53, 92, 97, 99; 1880. № 65, 175, 196, 262; 1882. № 17, 72, 141, 159; 1883. № 174; 1884. № 40, 123, 185].

Рекомендации «Московских ведомостей» касались актуальных вопросов, которые бурно обсуждались в верхах, так как само состояние народного хозяйства требовало расширения государственного вмешательства в экономическую жизнь и в том числе – ужесточения таможенной защиты. В 1880 г. катастрофический неурожай привел к упадку хлебного экспорта и превращению торгового баланса в пассивный. В следующем году появились первые признаки спада в промышленности, а в 1882 г. кризис перепроизводства охватил ведущие отрасли. Резко сократилось железнодорожное строительство, возросло количество банкротств предприятий и банков, затормозилось акционерное учредительство. Депрессия, затянувшаяся до 1887 г., усугублялась низкими урожаями 1882 и 1885 гг., а также мировым аграрным кризисом, который привел к уменьшению спроса на фабрично-заводскую продукцию и массовой безработице. Общая картина дополнялась острым финансовым расстройством – снижением платежеспособности населения, хроническими бюджетными дефицитами, падением курса рубля, отрицательным расчетным балансом.

В этой ситуации правительство продолжило курс на усиление таможенного обложения. 3 июня 1880 г. был отменен установленный в 1861 г. беспошлинный ввоз чугуна и железа для нужд промышленности, при этом сборы понижены с металлических изделий и повышены с некоторых категорий машин [Соболев, 2012. С. 138–142]. По утверждению Каткова, тем самым был «сделан серьезный шаг к постановке русского машиностроения в условия, благоприятные его успехам». Позднее он писал, что при всех «недостатках и противоречиях» этой меры, «она все-таки была шагом, хотя слабым, от фритредерской к охранительной таможенной политике» [МВ, 1880. № 182; 1882. № 51]. Законом 16 декабря 1880 г., принятым по инициативе министра финансов А.А. Абазы и его товарища (заместителя) Н.Х. Бунге, все ввозные пошлины были повышены на 10%. Министр признал, что сборы, взимаемые с импортируемых товаров, не соответствуют ни их стоимости, ни значению в торговых оборотах, однако общую корректировку тарифа считал делом будущего [Соболев, 2012. С. 18–20]. Каткова совершенно не удовлетворило это нововведение. Он заявил, что изменения таможенных ставок были в основном сделаны из фискальных соображений и лишь немногие из них имели целью поощрение промышленности. Закон увеличил только те сборы, которые и без того были сравнительно высоки, а низкие пошлины, которые нуждаются в повышении, остались на прежнем уровне. «Московские ведомости» писали, что принятая мера не изменила характера действующего тарифа и не решила

задачу реформирования таможенного законодательства [МВ, 1880. № 353, 362; 1882. № 51; 1883. № 109].

В начале мая 1881 г. пост министра финансов занял Бунге. Ранее, как и Катков, он принадлежал к фритредерскому направлению, но позднее также эволюционировал к протекционизму. Он поставил вопрос о пересмотре тарифа 1868 г. с целью увеличить государственные доходы, достичь более выгодного соотношения между импортом и экспортом, а также оказать покровительство тем отраслям промышленности, которые нуждаются в ограждении от иностранной конкуренции. Однако Бунге был умеренным протекционистом, не одобрял крайностей таможенной защиты и считал целесообразным постепенное изменение отдельных статей тарифа, чтобы избежать возможных экономических потрясений. Катков предлагал новому министру свою поддержку в обмен на обещание установить высокие ввозные пошлины, но тот отказался [Степанов, 1998. С. 162–164, 167]. 1 июня 1882 г. было проведено новое общее повышение таможенных ставок, преимущественно на сырье и полуфабрикаты и в меньшей степени – на готовые изделия [Соболев, 2012. С. 20–56].

«Московские ведомости» назвали эту меру «результатом чисто канцелярской работы», «компромиссом между необходимостью отчасти охранить народнохозяйственные интересы страны и желанием угодить сторонникам свободы торговли». По мнению Каткова, все изменения были сделаны ради пополнения казны, не имеют серьезного значения, не меняют общего характера тарифа, а по некоторым статьям иностранным товарам предоставляются даже более значительные льготы, чем ранее. Он упрекал Министерство финансов в том, что оно смотрит на таможенное дело с «фискальной», а не с «общеекономической» точки зрения, уделяет главное внимание поступлению доходов и сбалансированию бюджета. Возглавляемое Бунге ведомство предпочитает избирательно поддерживать отдельные отрасли и группы предпринимателей, пренебрегая другими неотложными задачами. Между тем старый тариф по-прежнему страдает несогласованностью своих составных частей, непригодностью устаревшей классификации и номенклатуры товаров, общей неудовлетворительностью в деле покровительства промышленности. После его утверждения в 1868 г. в нем делались «только мелкие, частные исправления, большей частью не имевшие между собой никакой связи и носившие характер как бы новых заплат на ветхом рубище», между тем «ставить подпорки то в одном, то в другом месте, когда все здание требует перестройки – дело самое неблагоприятное» [МВ, 1882. № 141, 161, 165, 270; 1883. № 88; 1884. № 28, 131, 161; 1885. № 92].

Катков поддержал ходатайства российских предпринимателей об отмене беспошлинного транзита европейских товаров через Закавказье в Персию и обратно, действовавшего с перерывами с 1816 г. и окончательно закрепленного правилами 1864 и 1865 гг. для оживления хозяйственной жизни региона. Ошибочность подобной политики в полной мере выяснилась к концу 1870-х гг., когда английская продукция, благодаря дарованным льготам, завоевала монопольное положение на восточных рынках и подорвала русско-персидскую торговлю. В 1883 г. завершалось строительство Закавказской железной дороги, которая должна была соединить Черное и Каспийское моря. Открытие этой магистрали могло еще более облегчить западным конкурентам доступ в Персию и Среднюю Азию и нанести серьезный ущерб экономическим интересам России. Поэтому в печати и предпринимательских организациях развернулось бурное обсуждение вопроса о судьбе транзита [Морозова, 1977. С. 131–137; Куприянова, 1994. С. 128–139]. Катков заявлял, что беспошлинный провоз лишает отечественную промышленность и торговлю выхода на персидские и среднеазиатские рынки, служит ширмой для контрабанды и тем самым подрывает «русский народный труд», препятствует развитию местного хозяйства в Закавказье и наносит удар политическому влиянию империи в Средней Азии. Он призывал воспользоваться выгодами географического положения, которые дают возможность расширить сбыт российских товаров на Востоке. После долгих дискуссий в верхах транзит был отменен 3 июня 1883 г. Как

предсказывали «Московские ведомости», это решение «обрадует всю промышленность из края в край нашего отечества». Позднее Катков писал, что закрытие транзита открыло отечественным производителям новые рынки, на которых ранее господствовали иностранцы, а закавказские коммерсанты теперь закупают товары на Нижегородской ярмарке [МВ, 1882. № 302, 333; 1883. № 25, 28, 144, 234]. Действительно, после 1883 г. Россия значительно расширила свои экономические связи с Персией и к началу 1890-х гг. по объему торговых оборотов начала догонять Великобританию.

Не менее настойчиво «Московские ведомости» требовали упразднения режима порто-франко в Батуме, установленного в 1878 г. после русско-турецкой войны по условиям Берлинского трактата [Абашидзе, 1998. С. 105, 118–120]. С закрытием беспошлинного провоза иностранных товаров через Кавказ город утратил свое значение первого транзитного пункта, поэтому сохранение местного таможенного кордона не имело смысла и лишь создавало препятствия развитию экономики края. Катков считал, что затворив одну «дверь для контрабанды» в виде Закавказского транзита, следует закрыть и вторую, превратив Батум в обычный российский порт. «Батум служит преимущественно интересам чужеземным, – писал он, – это как бы форпост иностранной промышленной и торговой конкуренции, поставленный на русской территории и широко во все стороны распространяющий свое вредное, подрывающее русских конкурентов влияние». По словам Каткова, изделия и сырье из европейских стран поступают в город не для продажи местному населению, а с целью ввоза в империю под видом «товаров русского происхождения» [МВ, 1883. № 146, 170]. Его выступления в печати сыграли свою роль в отмене батумского порто-франко 23 июня 1886 г.

Другой «зияющей раной» российского тарифа наряду с Закавказским транзитом Катков считал торговые привилегии Великого Княжества Финляндии, которое с 1811 г. имело собственную таможенную черту. Закон 1858 г. значительно увеличил число финляндских товаров, пропускаемых в империю беспошлинно и на льготных условиях, и при этом ввел сборы с ряда предметов российского экспорта в Княжество. В 1880-х гг. в связи с переходом России к протекционистской системе дисбаланс между двумя тарифами значительно усилился, и ввоз из Финляндии стал значительно превышать вывоз из империи. Таможенная защита Княжества была более либеральной, поэтому производство там многих промышленных изделий обходилось дешевле, и при их экспорте в Россию создавалась сильная конкуренция местным производителям. Усилилась также опасность проникновения через территорию Финляндии в Россию иностранных товаров в обход норм обложения имперского тарифа. По многочисленным требованиям предпринимателей Министерство финансов приступило к пересмотру законодательства о торговых отношениях с Княжеством [Корнилов, 1971. С. 51–55].

«Московские ведомости» всячески одобряли это начинание и заявляли, что «Финляндия – это как бы громадное *porto franco* с широко отворенными в Россию воротами», называли ее таможенные привилегии «аномалией в общем ходе нашей государственной жизни», «тяжелым ярмом» и «тормозом» развития отечественной промышленности. Как утверждал Катков, Княжество крепко держится за свою автономию, но, «чуждаясь России, хочет жить за счет России». При беспошлинном импорте из Финляндии покровительственные пошлины имперского тарифа оказываются «пустым миражом» и никак не защищают внутреннее производство от иностранной конкуренции. Россия ввозит в Княжество хлеб по сравнительно низким ценам, а взамен получает гораздо более дорогие фабрично-заводские товары без уплаты пошлин, лишая тем самым казну значительных доходов. «Облагодетельствованная» Россией Финляндия успешно развивает свою промышленность, между тем империя переживает экономический кризис, застой в торговле и обилие товаров на рынке без возможностей сбыта. 28 мая 1885 г. было утверждено положение о пересмотре торговых отношений России и Княжества: для основных финляндских

товаров вводились «уравнительные» пошлины с целью сглаживания неравенства тарифов обеих сторон и устанавливался предельный объем их ежегодного импорта. «Московские ведомости» писали, что финансовое ведомство «энергично выступило на защиту русских интересов против своекорыстных притязаний финляндцев» [МВ, 1883. № 63, 65; 1884. № 22, 176, 193, 194; 1885. № 70, 136, 141].

Катков поддержал также требования торгово-промышленных кругов о введении высоких пошлин на импортируемый уголь и новом повышении сборов с металлов и металлических изделий [МВ, 1883. № 42; 1884. № 77, 96, 100, 107, 110, 124, 144, 145, 148, 155, 157]. Рассчитывая на увеличение таможенного дохода, Министерство финансов пошло навстречу предпринимателям, правда, далеко не в таком размере, на который они рассчитывали. 10 июня 1884 г. была увеличена пошлина на чугун, а 16 июня 1884 г. – установлены сборы с каменного угля, кокса и торфа [Соболев, 2012. Т. 2. С. 92–117, 142–155]. Несмотря на умеренность новых таможенных ставок, Катков заявил, что действия финансового ведомства производят «отрадное впечатление»: оно «действительно вступает на путь покровительства нашей отечественной промышленности» и в дальнейшем намерено придерживаться «национальной торговой политики», «стоять на страже народнохозяйственных интересов страны» [МВ, 1884. № 185, 213]. Подобными «комплиментами» публицист пытался склонить министерство к более масштабной тарифной реформе. Однако Бунге продолжал придерживаться осторожной и поэтапной политики. 15 января 1885 г. были увеличены пошлины на рыбу, чай, вина, шелк, оливковое масло. 19 марта 1885 г. – на сельскохозяйственные машины, 20 мая 1885 г. – на железо и сталь. 3 июня 1885 г. последовало новое «огульное» повышение тарифа в среднем на 10–20%. В 1886 г. были подняты ставки таможенного обложения на уголь, медь, кирпич, купорос, серную кислоту, суперфосфаты, соду, клей, древесную массу, литографские изделия и некоторые другие товары. Если в 1881 г. пошлины по всем границам империи составляли 16,5% стоимости ввезенных товаров, то в 1886 г. – 27,8% [Соболев, , 2012. Т. 2. С. 57–75, 117–122, 156–181, 194–195, 213–218, 236–241, 243–246, 249–250, 388]. Бунге даже заслужил репутацию основоположника протекционистского курса. Министерству удалось добиться небольшого, но устойчивого преобладания экспорта над импортом, и с 1882 г. торговый баланс неизменно сводился с активным сальдо.

Однако Катков рассчитывал на гораздо большее ужесточение таможенной защиты, поэтому с осени 1884 г. начал в своих изданиях кампанию против Бунге, всячески порицая его политику. Он упрекал министра в том, что тот руководствуется не «указаниями практики», а «жалкими quasi-теоретическими соображениями», лишь обещает следовать по пути «национальной экономической политики» и оказывать покровительство промышленности, а на деле ограничивается «жалкими полумерами». По его словам, все действия министерства в этом направлении за последние годы свелись к «ничтожным» увеличениям пошлин, между тем многие сборы настолько низкие, что их возрастание на 20% не окажет никакого влияния на развитие соответствующих отраслей. В частности, утверждал публицист, новое общее повышение пошлин в 1885 г. было проведено так неудачно, что ввоз иностранных товаров не только не уменьшился, но даже увеличился, кроме того, произошло значительное сокращение российского экспорта [МВ, 1885. № 11, 77, 146, 183; 1887. № 10, 41].

Одной из основных причин кризиса в народном хозяйстве Катков считал «ненормальное» положение промышленности, в которое она поставлена тарифом, представляющим собой «руину, плохо поддержанную полусгнившими подпорками». Он утверждал, что финансовое ведомство, как чисто «фискальное» учреждение, по-прежнему погружено в бюджетно-налоговые дела и постоянно откладывает на неопределенные сроки решение вопросов первостепенного значения, в том числе и таможенную реформу. Вместо этого министерство занимается пересмотром отдельных тарифных статей без учета состояния и потребностей промышленности, не принимая во внимание «несообразность» других

пошлин с требованиями времени. «Не пора ли кинуть способ затычек, которые лишь расшатывают плотину, и перестроить ее заново, как было обещано?» – обращался Катков к своим читателям. Он приводил в качестве примера таможенную политику Германии, которая ограждает свое производство от наплыва чужих товаров, ищет новые рынки, заключает торговые договоры, расширяет сбыт, осуществляет широкую экономическую экспансию. Россия переполнена продукцией германской промышленности и в ответ лишь снабжает соседнюю империю сырьем для предприятий и продуктами питания. Между тем правительство Бисмарка продолжает повышать хлебные пошлины, создавая угрозу российскому экспорту, поэтому нужно развивать собственное производство и не зависеть от заграничного ввоза. «Неужели, в самом деле, у нас недостаточно решимости освободиться от иностранной зависимости?» – восклицал публицист [МВ, 1884. № 343; 1885. № 30, 44, 52; 1886. № 92, 137, 177, 196, 218; 1887. № 16, 41].

В конце 1886 г. Бунге под давлением консервативных кругов получил отставку и был заменен ставленником Каткова И.А. Вышнеградским – известным ученым-механиком и управляющим нескольких крупных акционерных компаний. В своей программной записке, представленной Александру III накануне вступления на министерский пост, он заявил о своем намерении «решительным образом вступить на путь покровительственной политики отечественной промышленности». Вышнеградский высказался за «систематический» пересмотр тарифа, однако не исключал и «частные улучшения» пошлин на ввоз наиболее востребованных товаров [Вышнеградский, 1995. С. 196]. 21 апреля 1887 г. были повышены ставки таможенного обложения металлов и металлических изделий, а 19 мая 1887 г. – каменного угля, кокса и торфа [Соболев, 2012. С. 122–131, 181–193]. Катков приветствовал политику нового министра, подчеркнув, что «ныне дело идет не о разовом, как практиковалось прежде, но о действительном покровительстве народному труду» [МВ, 1887. № 119]. Он начал в своей газете кампанию за увеличение пошлины на хлопок для стимулирования отечественной хлопчатобумажной отрасли, однако смерть в июле 1887 г. прервала его бурную публицистическую деятельность.

Эволюция взглядов Каткова от фритредерства к протекционизму во многом объяснялась изменением экономической ситуации в России. Либерализация таможенной политики была целесообразна лишь на стадии становления российской индустрии, когда она остро нуждалась в притоке сравнительно дешевых иностранных товаров (оборудования, материалов, рельсов и подвижного состава для железных дорог и др.). Но со временем, по мере развития в стране собственного производства, конкуренция западной продукции стала наносить все больший ущерб отечественной промышленности. К началу 1880-х годов, в отличие от предшествующего двадцатилетия, страна нуждалась не столько в импорте товаров, сколько в привлечении иностранных капиталов. Это совпало с поворотом ведущих держав Запада к протекционистскому курсу. Требования Каткова установить высокие таможенные барьеры шли в общем русле усиления этатистских тенденций в экономической политике российского правительства. Публицист рассматривал запретительный тариф как универсальное орудие, с помощью которого можно решить целый ряд задач: защитить промышленность от западной экспансии, повысить государственные доходы, активизировать торговый и расчетный балансы и даже более равномерно распределить налогообложение между «высшими» и «низшими» слоями населения.

Пользуясь своим стремительно возросшим влиянием в 1880-е гг., Катков выступал за немедленный коренной пересмотр тарифа. Подобная позиция вообще была характерна для представителей общественной мысли, которые не были интегрированы в систему государственного управления, не знали некоторых тонкостей текущей политики и не несли никакой ответственности. Однако в верхах в принципе не были склонны к кардинальным переменам в сжатые сроки и в данном случае предпочли постепенный переход к запретительной системе. Это не устраивало Каткова, предпринявшего натиск на финансовое

ведомство, чтобы подтолкнуть его к более решительным действиям. В своем полемическом задоре он был нередко тенденциозен, допускал явные преувеличения и даже искажал факты: в пореформенные десятилетия при всех просчетах и «перегибах» правительство не жертвовало национальными интересами во имя «чужеродных» доктрин и не отдавало страну на разграбление иностранным капиталистам. Тарифы 1850, 1857 и 1868 гг. по своей сути были не фритредерскими, а умеренно-охранительными, и при их разработке потребности отечественной промышленности всегда в той или иной степени принимались во внимание. Катков обвинял Министерство финансов в «фискализме» и пренебрежении насущными нуждами народного хозяйства, однако как раз Бунге, в отличие от некоторых предшественников, обладал широким взглядом на экономические проблемы. Именно он создал предпосылки для дальнейшего ограничения импорта Вышнеградским, который фактически продолжил его курс, и в 1887–1890 гг. провел повышение пошлин на ряд товаров. Обсуждение таможенной реформы началось в правительственных кругах только в 1890 г., но в итоге цель, к которой упорно стремился Катков, во многом была достигнута: 11 июня 1891 г. состоялось утверждение нового протекционистского тарифа, который один из его творцов Д.И. Менделеев назвал «знаменем самостоятельности и немечтательного прогресса России» [Менделеев, 1952. С. 279].

ЛИТЕРАТУРА

- Абашидзе А.Х. (1998). Аджария. История, дипломатия, международное право. М.: РАУ-Университет.
- Власть и реформы. От самодержавной к советской России. (1996). СПб.: Дмитрий Буланин.
- Вышнеградский И.А. (1995). О задачах финансовых учреждений в деле устранения дефицита в государственном бюджете (1886 г.) / публ. В.Л. Степанова // Река времен. Кн. 1. М.: Эллис Лак; Река времен. С. 190–197.
- Китаев В.А. (1972). От фронды к охранительству: из истории русской либеральной мысли 50–60-х гг. XIX в. М.: Мысль.
- Корнилов Г.Д. (1971). Русско-финляндские таможенные отношения в конце XIX – начале XX в. Л.: Наука.
- Куприянова Л.В. (1994). Таможенно-промышленный протекционизм и российские предприниматели (40–80-е годы XIX века). М.: ИРИ РАН.
- Лодыженский К.Н. (1886). История русского таможенного тарифа. СПб.: тип. В.С. Балашева.
- Менделеев Д.И. (1952). О покровительственной системе / Д.И. Менделеев. // Сочинения. Т. 21. М.; Л.: Издательство АН СССР. С. 269–281.
- Морозова Т.Л. (1977). К истории отмены закавказского транзита // История СССР. № 3. С. 128–140.
- Московские ведомости (МВ). (1863–1887). Москва.
- Оболенская С.В. (1992). Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в конце 70-х годов XIX в. М.: Наука.
- Санькова С.М. (2014). «Национальная экономическая политика» периода царствования Александра III в представлении М.Н. Каткова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 6. С. 95–100.
- Соболев М.Н. (2012). Таможенная политика России во второй половине XIX века: в 2 ч. М.: РОССПЭН.
- Степанов В.Л. (1998). Н.Х. Бунге: судьба реформатора. М.: РОССПЭН.
- Струве П.Б. (2007). Торговая политика России. Челябинск: Социум.
- Рязанов В.Т. (2009). Консерватизм и русская экономическая мысль // Консерватизм: социально-экономические учения / под ред. А.Н. Бабаджаняна. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета. С. 230–258.
- Твардовская В.А. (1978). Идеология пореформенного самодержавия. (М.Н. Катков и его издания). М.: Наука.
- Шепелев Л.Е. (1981). Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л.: Наука.

Степанов Валерий Леонидович

valerij-stepanov@mail.ru

Valerii Stepanov

doctor habilitatus in history, leading research fellow of the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

valerij-stepanov@mail.ru

M.N. KATKOV ON PROBLEMS OF CUSTOMS POLICY IN RUSSIA (1860–1880)

Abstract. The article analyzes the views on customs policy of the largest ideologue of Russian conservatism, the famous publicist M. N. Katkov (1818–1887) – the editor-publisher of the «Russky Vestnik» magazine (1856–1887) and the «Moskovskie Vedomosti» newspaper (1863–1887). In the first post-reform decades, he adhered to the free-trade doctrine and evolved to protectionism only by the late 1870s under the influence of the world economic crisis, which led to the fall of the popularity of free trade ideas. During the reign of Alexander III, using his increased influence at the top, Katkov advocated a radical revision of the outdated tariff of 1868 to limit imports as much as possible. He preached his views under patriotic slogans in the spirit of the theory of «people's autocracy», lobbied for increased state intervention in economic life, and the creation of a «national» economy, fenced off from the West by high customs barriers. The publicist viewed protectionist policies as a powerful factor in the rise of productive forces, as a form of planning. Katkov considered the prohibitive tariff a universal tool that could be used to solve several problems: to protect the industry from foreign competition, to increase government revenues, to activate trade and account balances, and even to distribute the tax burden between the «higher» and «lower» segments of the population more evenly. His demands were in the general direction of strengthening statist tendencies in the government's economic policy. Therefore, Katkov's agitation played a role in the preparation and approval of the protectionist tariff of 1891.

Keywords: *customs policy, free trade, protectionism, export, import, tariff, duties, trade balance.*

JEL Classification: B15, B31, N43.

REFERENCES

- Abashidze A.H. (1998). Adzhariya. Istoriya, diplomatiya, mezhdunarodnoe pravo. M.: RAU-Universitet. [Abashidze A.H. Adjaria. History, diplomacy, international law.]
- Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoj k sovetskoj Rossii. (1996). SPb.: Dmitrij Bulanin. [Power and reform. From autocratic to Soviet Russia.]
- Vyshnegradskij I.A. (1995). O zadachah finansovyh uchrezhdenij v dele ustraneniya deficita v gosudarstvennom byudzhetе (1886 g.) / Publ. V.L. Stepanova // Reka vremen. Kn. 1. M.: Ellis Lak; Reka vremen. Pp. 190–197. [Vyshnegradsky I.A. On the tasks of financial institutions in eliminating the deficit in the state budget (1886).]
- Kitaev V.A. (1972). Ot frondy k ohranitel'stvu: iz istorii russkoj liberal'noj mysli 50–60-h gg. XIX v. M.: Mysl'. [Kitaev V.A. From Fronde to protection: from the history of Russian liberal thought of the 50–60s of the XIX century.]
- Kornilov G.D. (1971). Russko-finlyandskie tamozhennye otnosheniya v konce XIX – nachale XX v. L.: Nauka. [Kornilov G.D. Russian-Finnish customs relations in the late XIX – early XX century.]
- Kupriyanova L.V. (1994). Tamozhenno-promyshlennyj protekcionizm i rossijskie predprinimateli (40–80-e gody XIX veka). M.: IRI RAN. [Kupriyanova L.V. Customs and industrial protectionism and Russian entrepreneurs (40–80-ies of the XIX century).]
- Lodyzhenskij K.N. (1886). Istoriya russkogo tamozhennogo tarifa. SPb.: tip. V.S. Balasheva. [Lodyzhensky K.N. History of the Russian customs tariff.]
- Mendeleev D.I. (1952). O pokrovitel'svennoj sisteme // Mendeleev D.I. Sochineniya. T. 21. M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR. Pp. 269–281. [Mendeleev D.I. About the patronage system.]
- Morozova T.L. (1977). K istorii otmeny zakavkazskogo tranzita // Istoriya SSSR. № 3. Pp. 128–140. [Morozova T.L. On the history of Transcaucasian transit cancellation.]
- Moskovskie vedomosti (MV). (1863–1887). M. [Moscow Vedomosti.]
- Obolenskaya S.V. (1992). Politika Bismarka i bor'ba partij v Germanii v konce 70-h godov XIX v. M.: Nauka. [Obolenskaya S.V. Bismarck's politics and the struggle of parties in Germany in the late 70s of the XIX century.]
- San'kova S.M. (2014). «Nacional'naya ekonomicheskaya politika» perioda carstvovaniya Aleksandra III v predstavlenii M.N. Katkova // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. № 6. Pp. 95–100. [Sankova S.M. «National economic policy» of the reign of Alexander III in the view of M. N. Katkov.]
- Sobolev M.N. (2012). Tamozhennaya politika Rossii vo vtoroj polovine XIX veka: v 2 ch. M.: ROSSPEN. [Sobolev M.N. Customs policy of Russia in the second half of the XIX century.]

- Stepanov V.L.* (1998). N.H. Bunge: sud'ba reformatora. M.: ROSSPEN. [Stepanov V.L. N.Kh. Bunge: the fate of the reformer].
- Struve P.B.* (2007). Torgovaya politika Rossii. Chelyabinsk: Sotium. [Struve P.B. Russian trade policy.]
- Ryazanov V.T.* (2009). Konservatizm i russkaya ekonomicheskaya mysl' // Konservatizm: social'no-ekonomicheskie ucheniya / pod red. A.N. Babadzhanyana. SPb.: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta. Pp. 230–258. [Ryazanov V.T. The conservatism of Russian economic thought.]
- Tvardovskaya V.A.* (1978). Ideologiya poreformennogo samodержaviya. (M.N. Katkov i ego izdaniya). M.: Nauka. [Tvardovskaya V.A. The post-reform ideology of autocracy. (M.N. Katkov and his publications).]
- Shepelev L.E.* (1981). Carizm i burzhuaziya vo vtoroj polovine XIX veka. Problemy torgovo-promyshlennoj politiki. L.: Nauka. [Shepelev L.E. Tsardom and the bourgeoisie in the second half of the XIX century. Problems of trade and industrial policy.]